Булгарина пытался воздействовать К. Ф. Рылеев и в устной беседе, и в письме от 7 сентября 1823 года (*Рылеев К. Ф.* Полн. собр. соч. / Ред., вступ. статья и комм. А. Г. Цейтлина. М.; Л., 1934. С. 469–470, 781). Затем обратился с письменным увещанием Жуковский, но, встретив отказ, был вынужден просить о помощи Карамзина, благодаря которому «Русский инвалид» и остался у Воейкова (см. письмо Тургенева Вяземскому от 22 мая 1825 года: Остафьевский архив... Т. 3. С. 128). Как и в публикуемой здесь дневниковой записи, Жуковский в том письме к Булгарину говорил уже не о Воейкове, а о его семье: «...что сделала вам его жена, достойная вашего уважения и от которой вы ничего не видели кроме приязни? Что сделали вам его дети? За что делаете их ответчиками за те оскорбления, которые получили от самого Воейкова?» (*Русская старина.* 1883. № 12. С. 712). В 1823 году Жуковский обещал, что, если Булгарин удовлетворит его просьбу, он предаст забвению этот эпизод. Так в дальнейшем и произошло, о чем можно судить по нескольким запискам Жуковского к Булгарину делового и вполне дружественного характера, которые были связаны с разного рода публикациями и изданиями поэта. Они обрываются весной 1824 года, что объясняется все нарастающим обострением войны журналистов, когда имя Жуковского начинает всплывать в разного рода колких упоминаниях Булгарина, пишущего и против Воейкова, и против Вяземского (см., например: *Литературные листки.* 1824. № 6. С. 238–239). Впоследствии Жуковский очень сожалел, что Вяземский оказался вовлечен в полемику с Булгариным. С весны 1824 года начинает нарастать напряжение в отношении Жуковского с Булгариным, принявшее форму принципиального отталкивания от него как человека «дурной нравственности».

² Полемика Воейкова и Булгарина началась в 1822 году и к 1825 году давно уже переросла в непримиримую личную вражду. Они преследовали друг друга бесконечными попреками в ошибках и опечатках и разыгрывали на страницах своих изданий целые баталии вокруг литературных событий и мнений. Воейков пытался опираться на своих «знаменитых друзей» (круг Жуковского), что распалало Булгарина, видевшего в них представителей враждебного ему лагеря.

³ Никаких следов жалоб Жуковского Александру I по этому поводу не сохранилось.

⁴ По-видимому, речь идет об ожидавшемся письме Булгарина Жуковскому; сведений о таком не имеется.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-1-45-51

© И. Р. Саитбастанов

БАШКИРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. И. ДАЛЯ: ИСТОЧНИКИ И ПАРАЛЛЕЛИ В ТЮРКОЯЗЫЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ*

Башкортостан — историко-культурный регион, населенный представителями башкирского этноса и охватывающий, кроме одноименного субъекта Российской Федерации, территорию Оренбургской, Самарской и Челябинской областей, восточные районы Татарстана, южную часть Пермского края и Свердловской области. Хотя современное название этого региона, образованное от автоэтнонима коренного народа и иранского форманта «остан», вошло в публичный дискурс сравнительно недавно, в начале XX века, представление о «стране башкир» на Южном Урале и в прилегающих районах Сибири и Поволжья возникло в географической традиции мусульманского востока еще в IX–XII веках (билад ал-басджирт — страна башкир), в западноевропейских текстах — в XIII веке (Bascart, Baskardia, Pascherti), а в русской традиции — укоренилось к середине XVIII столетия.¹ Первоначально понятие «Башкирия» (Башкирда, Башкирь, Башкирская орда, Башкирская провинция) утвердилось в языке административно-актовых документов, затем — научных текстов (труды В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, отчеты академических экспедиций П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. Г. Георги) и лишь в первой половине XIX века вошло в художественную речь.

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 17-04-00193) и Совета по грантам Президента РФ (проект МК-5443.2018.6).

¹ История башкирских родов. Уфа, 2015. Т. 8: Кобау. С. 40–41.

Формирование образа Башкирии как части России явилось частью более широкого процесса взаимодействия и взаимовлияния русской и башкирской культур, который начался вскоре после добровольного присоединения башкир к Русскому государству и продолжается до сих пор. Этот процесс не был равномерным, бесконфликтным и однонаправленным, но за счет своего постоянства он привел к возникновению в обеих взаимодействующих культурах общего пространства образов, представлений и клише, представленных в текстах как на русском, так и на башкирском языке, а также обширного ряда текстов, взаимно цитируемых, рефлекслируемых и упоминаемых в качестве аллюзий.

Важную роль в формировании этого пространства сыграл русский ученый-лексикограф, переводчик и писатель В. И. Даль. Он прибыл в Оренбургскую губернию, которая охватывала в то время большую часть Исторического Башкортостана, в конце июля 1833 года в качестве чиновника особых поручений при военном губернаторе В. А. Перовском² и прожил в крае восемь лет, до 1841 года.³ Исследователи признают оренбургский период важнейшим этапом жизни ученого: покинув столицу опальным автором пяти сказок, Даль вернулся в Петербург членом-корреспондентом Императорской Академии наук, коллежским советником (штатским полковником), известным и уважаемым писателем «натуральной школы».⁴ Кроме того, по некоторым свидетельствам, именно в это время созрел замысел и были собраны материалы для фундаментальных трудов Даля — «Толкового словаря живого великорусского языка», «Пословиц русского народа» и «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа».⁵

Башкирская тематика занимает важное место в творчестве и научном наследии писателя. Достаточно отметить, что одной из первых работ, написанных Далем в Оренбурге, стали «Замечания о башкирцах», опубликованные в 1834 году на немецком языке в журнале «Ученые записки Дерптского университета», вскоре переведенные на русский язык и без ведома автора перепечатанные в «Журнале Министерства внутренних дел».⁶ Все произведения Даля, так или иначе упоминающие башкирский народ и его представителей, могут быть разделены на четыре группы (названия и выходные данные приводятся по библиографическому указателю «В. И. Даль: Жизнь и творчество», составленному Российской государственной библиотекой):⁷

1) Научные, научно-популярные и энциклопедические статьи: «Замечания о башкирцах» (Журнал Министерства внутренних дел. 1834. Ч. 13. С. 293–313), «Нечто о кумызе» (Там же. 1843. Ч. 3. С. 138–145), «Озеро Ачулы» (Санкт-Петербургские ведомости. 1839. № 101. С. 447–448), «Аул», «Войлок», «Гайнинская башкирская волость», «Гирейская башкирская волость», «Гребени», «Губернская крепость» (все — «Энциклопедический лексикон» А. А. Плюшара, 1834), «Военное предприятие противу Хивы» (Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1860. № 1. Отд. 2. С. 147–166), «Ремесленность» (Санкт-Петербургские ведомости. 1839. № 101. С. 447–448). К этой же группе можно отнести «Описание башкирских кантонов и хозяйства башкир», сделанное по приказу В. А. Перовского и уничтоженное в 1848 году.⁸ В статье о Дале во втором томе Башкирской энциклопедии и сопровождающем ее библиографическом списке упоминаются также статьи «Башкиры. Этнографический очерк, описание башкирцев и их образа жизни» (1862) и «Башкирские песни» (Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1896.

² Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге // Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1913. Вып. XVII. С. 21–22.

³ Матвиевская Г. П., Прокофьева А. Г., Зубова И. К., Прокофьева В. Ю. Жизнь и творчество В. И. Даля в Оренбурге. М., 2011.

⁴ Бессараб М. Я. Владимир Даль. М., 1968. С. 110.

⁵ См.: Матвиевская Г. П., Зубова И. К. В. И. Даль в Оренбурге. Оренбург, 2007. С. 482; Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге. С. 61–63.

⁶ Порудоминский В. И. Даль. М., 1971. С. 197–198 (сер. «Жизнь замечательных людей»).

⁷ Владимир Иванович Даль: Жизнь и творчество. Биобиблиографический указатель / Сост. О. Г. Горбачева; ред. Т. Я. Брисман; библиогр. ред. Е. А. Акимова. М., 2004.

⁸ Порудоминский В. И. Даль. С. 197.

Т. 13. Вып. 5).⁹ Эти материалы отсутствуют в библиографическом указателе произведений Даля. В первом случае Далу, очевидно, приписана книга И. М. Казанцева «Описание башкирцев»,¹⁰ а во втором — текст не был обнаружен нами в указанном номере журнала и не упоминается где-либо еще.

2) Оригинальные произведения, в которых упоминаются башкиры: «Скачка в Уральске» (Северная пчела. 1834. № 255, 256), «Бикей и Мауляна» (Библиотека для чтения. 1836. Т. 16. С. 171–259), «Майна» (Москвитянин. 1841. № 10. С. 340–404), «Небывалое в былом, или Былое в небывалом» (Сочинения В. И. Даля: Повести и рассказы. СПб., 1861. Т. 7. С. 266–400), «Охота на волков», «Обмиранье» (Сочинения В. И. Даля: Повести и рассказы. СПб., 1883. Т. 5. С. 189–211; Т. 6. С. 312–337) и др.

3) Письма писателя: к сестре П. И. Шейден от 4 июня 1836-го и 27 февраля 1838 года, к академику Ф. Ф. Брандту от 12 сентября 1837-го и 23 марта 1838 года, «Письма к друзьям из похода в Хиву» (опубл.: Русский архив. 1867. Вып. 3. С. 402–431; Вып. 4. С. 606–639) и некоторые другие.

4) Переводы и пересказы произведений башкирской народной устной и письменной словесности: «Башкирская русалка» (Москвитянин. 1843. Ч. 1. № 1. С. 97–119), «Зюгря» (Молодик: Литературный сборник / Изд. И. Е. Бецкий. Харьков, 1843. Ч. 2. С. 186–191), «Жизнь Джингиз-хана» (Сын отечества. 1835. [Т. 47]. № 4. С. 195–230), «Повествование о Тимур-Аксаке» (Литературное прибавление к Русскому инвалиду. 1838. № 45. С. 881–885). По-видимому, в этот список могут быть включены и некоторые другие произведения из цикла «Восточные притчи и сказки».

«Башкирская русалка» представляет собой сложный по структуре и содержанию текст, первая часть которого находится в интертекстуальных взаимоотношениях с широким кругом произведений, репрезентирующих разные аспекты культуры и истории Башкортостана XIX века, а вторая — является переводом башкирского народного эпоса «Заятуляк и Хыухылыу».¹¹ В первой части произведения Даль цитирует или упоминает работы исследователей Урала XVIII века и письменные памятники на языке тюрки и полемизирует с ними, а также приводит фрагменты из мифологического эпоса и топонимических преданий и легенд башкирского народа. Они представляют собой первый слой интертекста, объединяющего собственные труды Даля с башкирским народным творчеством и литературой.¹²

Отнесение трех других вышеупомянутых текстов к числу произведений Даля на «башкирскую тематику» требует пояснения. Рассказ «Зюгря, или Происхождение зорницы» имеет подзаголовок «Мусульманское предание» без уточнения, от представителей какого «мусульманского» этноса оно было услышано. Однако русская транскрипция имени *Зюгря* и заимствований *мехлюкат* (творение божие) и *фиреште* (ангел) в наибольшей степени соответствует башкирскому и татарскому произношению имени *Зөһрә* и слов *мәхлүкәт* и *фәриштә*. Сюжетная линия, композиция и список персонажей произведения Даля находят близкое соответствие в башкирском предании «Звезда Зухра», записанном в 1966 году в Абзелиловском районе Башкортостана.¹³ Некоторые части рассматриваемых текстов совпадают дословно. Это позволяет предположить, что Даль мог слышать предание от башкир, а учитывая пространное религиозно-богословское введение, возможно, от своего информатора муллы Абдуллы, речь о котором пойдет ниже.

⁹ Башкирская энциклопедия: В 7 т. Уфа, 2006. Т. 2: В–Ж. С. 413.

¹⁰ Казанцев И. М. Описание башкирцев. СПб., 1866.

¹¹ Саитбатталов И. Р. Лингвокультурологический анализ произведений В. И. Даля о Башкортостане (на материале рассказа «Башкирская русалка»). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2013. С. 11.

¹² О характере и составе этого интертекста подробнее см.: Саитбатталов И. Р. Рассказ В. И. Даля «Башкирская русалка»: источники и структурные особенности текста // Актуальные проблемы современной филологии и журналистики в свете глобализации: Материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции. Уфа, 2013. С. 202–209.

¹³ Башкирское народное творчество. Предания и легенды / Сост., автор вступ. статьи и пояснений Ф. А. Надршина; отв. ред. Кирэй Мэргэн и А. М. Сулейманов. Уфа, 1997. С. 39–40, 349 (на башкирском языке).

Произведения «Жизнь Джингиз-хана» и «Повествование о Тимур-Аксаке» представляют собой переводы первой и второй частей книги «Жизнь Джингиз-хана и Аксак-Тимура с присовокуплением разных отрывков, до истории касающихся, коих все слова для обучающихся расположены по алфавиту», опубликованной в 1822 году в Казани.¹⁴ Эта книга имела также широкое хождение в рукописях под названием «Чингизнамэ» («Книга о Чингизе»). Оба текста Даля имеют авторские подзаголовки «татарская сказка» и «перевод с татарской книжки», однако нам представляется, что автоматически относить их к татарскому народному творчеству в современном понимании, как это делают некоторые авторы,¹⁵ нельзя.

Во-первых, ученый и писатель, согласно существовавшей до революции русской традиции, называл «татарским» разговорные языки целого ряда тюркских народов (татар, башкир, тептярей, мишарей и др.) и письменный язык тюрки Урало-Поволжья. Это явствует из текстов «Башкирской русалки» («Вера его ныне мусульманская, язык наречия турецкого или татарского <...> народ этот называет сам себя башкурт»), «Бикея и Мауляны» («Татарские народы едва не перещеголяли нас, русских») и других произведений Даля.

Во-вторых, сам Ибрагим Хальфин, издатель книги, переведенной Далем, имел лишь приблизительное представление о происхождении издаваемой рукописи, отмечал своеобразие ее языка и возможную связь с «народами Тобола, Уфы, Каргалов и Яика».¹⁶ В-третьих, географические и этнографические реалии, содержащиеся в оригинальном и переводном текстах, связаны с природой, общественными отношениями и этнографией Башкортостана: Чингиз-хан прячется от врагов в верховьях реки Таналык, протекающей по юго-восточным районам республики; его сопровождают князья-бии, чьи имена совпадают с названиями башкирских племен (Бурджан, Джурматы, Кипчак, Тамьян, Катай, Салджиут) либо фигурируют в башкирских генеалогических летописях-шэжэрэ (Уйшин Майкы бий — легендарный предок башкир племени Табын, Урадач бий — первый вождь племени Минг, Мутиар (очевидно, ошибка при наборе текста с рукописи, правильное — Муйтен) бий — предок башкир племени Усерган, Калдар бий — один из первых правителей башкирского племени Киргиз); Чингиз-хан наделяет подвластные племена четырьмя атрибутами — тамгой, деревом, птицей и боевым кличем, — характерными именно для башкирской родоплеменной организации.¹⁷

Помимо этого, сюжетные линии произведения продолжают в башкирских преданиях «Муйтен» и «Хромой Тимур»,¹⁸ рукописных памятниках «История Усерган», «Тазкират ли-ль-ихван уа-ль-ахбаб», «Кисса-и Тимер-Аксак» и других письменных и устных текстах, созданных и бытующих в Башкортостане. Все это позволило Г. Б. Хусаинову и М. Х. Надергулову атрибутировать изданную Ибрагимом Хальфиным рукопись как «башкирский письменный памятник» и предположить, что его автором был представитель башкирского народа.¹⁹ В совокупности вышеизложенное позволяет нам отнести рассказы Даля «Зюгря», «Жизнь Джингиз-хана» и «Повествование о Тимур-Аксаке» к числу его произведений башкирской тематики и происхождения.

Симптоматично, что содержание последних двух текстов было объектом рефлексии башкирских писателей, поэтов и историографов вплоть до начала XX века — на «Жизнь Джингиз-хана и Аксак-Тимура...» опирается в качестве источника поэт-

¹⁴ Жизнь Джингиз-хана и Аксак-Тимура с присовокуплением разных отрывков, до истории касающихся, коих все слова для обучающихся расположены по алфавиту, в пользу воспитанников Императорского Казанского университета составленная лектором одного университета Ибрагимом Хальфиным. Казань, 1822. 74 с. (на языке тюрки арабской графикой).

¹⁵ Матвеевская Г. П., Зубова И. К. В. И. Даль в Оренбурге. С. 482; Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге. С. 528.

¹⁶ Жизнь Джингиз-хана... С. 5.

¹⁷ История башкирских родов. Т. 8: Кобау. С. 10.

¹⁸ Башкирское народное творчество. Предания и легенды. С. 164–166 (на башкирском языке).
¹⁹ Надергулов М. Х. К вопросу об истоках башкирской исторической прозы // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2008. Вып. 24: Филология. Искусствоведение. № 23 (124). С. 105; Хусаинов Г. Б. Башкирская литература XI–XVIII вв. Уфа, 1996. С. 119.

мистик, историограф и богослов М.-А. Чукури при составлении собственных родословных, восходящих к Уйшин Майкы бию,²⁰ и при критике квазиисторических произведений об истории края.²¹ Его работы, в свою очередь, использованы в качестве источника татарским богословом и историком Ш. Марджани²² и башкирским энциклопедистом и богословом Р. Фахретдиновым.²³ Синтез тюркской и русской историографических традиций, схожий с далевским, наблюдается в неоконченной рукописи «История башкир и происхождение иректинцев» А. Киикова — сына М.-А. Чукури. В ней сведения тюркоязычных летописей снабжены комментарием со ссылками на работы Рычкова, Лепехина и Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.²⁴ Таким образом, содержание и образы анонимного сочинения «Жизнь Джингиз-хана и Аксак-Тимура...», называемого также «Чингизнамэ», представляют собой второй слой русско-башкирского интертекста в работах Даля.

Характеристика произведений Даля о Башкортостане будет неполной без упоминания тех людей, которые помогали исследователю изучать местные тюркские языки и консультировали его в процессе работы над переводными произведениями. Их имена Даль называет в примечаниях к повести «Жизнь Джингиз-хана». Мартиниан (Мартемьян) Иванович Иванов был выпускником и преподавателем Оренбургского Неплюевского военного училища и занимался изучением живых тюркских языков региона и литературно-письменного языка тюрки. В 1839 году он подготовил, а в 1842 году опубликовал «Татарскую грамматику», содержащую сведения о фонетических особенностях башкирского, татарского и казахского языков. Тогда же М. И. Иванов напечатал «Татарскую хрестоматию» с образцами живой разговорной речи на этих языках и отрывками из литературных произведений на языке тюрки со стилистической характеристикой. В первой части были помещены образцы башкирских пословиц, народных песен и рассказ «Анекдот о царе Петре» («*Батыр бадшадын экиэте*») на разговорном языке оренбургских башкир — «один из первых образцов башкирской письменной речи».²⁵ Мартиниан Иванов регулярно участвовал в «четвергах» в доме Даля, на которых выступал с сообщениями о разных аспектах современного ему востоковедения.²⁶ Возможно, интерес исследователя к живым разговорным тюркским языкам и народному творчеству возник именно под влиянием общения с Далем, которому тот «нередко служил живым словарем».

Вторым человеком, помощью которого пользовался Даль при работе над переводами с тюркских языков, был «мулла Абдулла». В письмах Даля и воспоминаниях его дочери называется и фамилия этого человека — Давлетшин. Оренбургский исследователь Г. П. Матвиевская характеризует их занятия с Далем следующим образом: «Он систематически занимался татарским языком под руководством оренбургского муллы Абдуллы Давлетшина, а в своих очерках и письмах отмечал сходство и различие между тюркскими языками, разъяснял значение отдельных слов и оборотов».²⁷ По всей видимости, писателя и Абдуллу Давлетшина связывала дружба: во время Хивинского похода 1839–1840 годов в одной палатке с Далем и другими учеными жил некий мулла, который многократно упоминается в «Письмах к друзьям из похода в Хиву». Очевидно, это был Абдулла Давлетшин — уроженец Оренбургского уезда, с 1830 года

²⁰ Чукури М.-А. Книга поучения для братьев и друзей // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета. Восточный сектор: 684-т. Л. 1 (на языке тюрки арабской графикой).

²¹ Чукури М.-А. Таварих-и Булгарийа или расширенный комментарий Гари // Институт восточных рукописей РАН. В 2662. Л. 5 (на языке тюрки арабской графикой).

²² Марджани Ш. Первая часть из книги «Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара». Казань, 1885. С. 39–41 (на языке тюрки арабской графикой).

²³ Фахретдинов Р. Ф. Асар. Оренбург, 1908. Т. 2. Ч. 11. С. 189 (на языке тюрки арабской графикой).

²⁴ Кииков А. М. История башкир и происхождение иректинцев / Сост., автор предисловия и пояснений М. Х. Надергулов. Уфа, 2011. С. 27–39 (на башкирском языке).

²⁵ Галяутдинов И. Г. Два века башкирского литературного языка. Уфа, 2000. С. 62–67.

²⁶ Матвиевская Г. П., Зубова И. К. Даль в Оренбурге. С. 121–122.

²⁷ Там же. С. 527.

числившийся имамом и ахунум в Башкиро-мещеряцком войске и в 1839 году перешедший на военную службу. Впоследствии он дослужился до звания подполковника (1856), трижды занимал должность кантонного начальника — руководителя военно-административной единицы, близкой по территории к уезду (в 1847–1850, 1852–1854, 1856–1862 годах), получил дворянское звание и участвовал в коронационных торжествах императора Александра II (1856). Отмечается также, что Абдулла Давлетшин владел четырьмя языками (родным, русским, арабским и персидским).²⁸ Г. П. Матвиевская и И. К. Зубова цитируют воспоминания О. В. Демидовой, дочери Даля, в которых она описывает визит всей семьи к Абдулле Давлетшину (в тексте — Давлечин) в 1859 году в «местечко», где тот жил в это время. Авторы предполагают, что эта встреча произошла в селе Татарская Каргала (ныне Сакмарский район Оренбургской области),²⁹ однако Абдулла Давлетшин с 1856 по 1862 год возглавлял 1-й башкирский кантон и жил в его штаб-квартире в селе Имангулово (ныне Октябрьского района Оренбургской области).³⁰ По-видимому, там и произошла встреча с писателем и членами его семьи.

В очерке историка-краеведа Р. Г. Игнатьева о Салавате Юлаеве в качестве переводчика стихотворений национального героя на русский язык указывается «покойный г. Давлетчин».³¹ Им мог быть подполковник и бывший кантонный начальник Абдулла Давлетшин, однако данное предположение имеет противников, считающих, что представитель социальной верхушки башкирского общества и верный подданный российских монархов не мог взяться за такую работу.³² Нам представляется, что приводимые Игнатьевым переводы были сделаны именно подполковником Давлетшиным, который несколькими десятилетиями ранее помогал изучать тюркские языки Дально. На это указывает как обращение «господин», к которому прибегает русский краевед, не называвший этим словом других упоминаемых в тексте башкир, так и мастерство переводов, которое вряд ли могло возникнуть спонтанно, при выполнении одноразового заказа. Учитывая также, что в XIX веке наказания за исполнение произведений о Салавате Юлаеве еще sporadически применялись,³³ переводчиком подобных текстов мог быть только человек, не опасющийся кратковременного ареста и других административных мер, т. е. дворянин и обладатель высокого офицерского чина, каковым и был Давлетшин.

Таким образом, как переводчик и комментатор важнейших литературных, исторических и фольклорных текстов башкирского народа Давлетшин сыграл выдающуюся роль в диалоге русской и башкирской культур в XIX веке, а его личность может стать объектом специального междисциплинарного изучения. Нужно отметить также, что образ Абдуллы Давлетшина нашел отражение и в башкирском фольклоре. Ему посвящена песня «Абдулла-ахун», автором которой считается поэт и сказитель Манди Кутуш-Кыпсаки.³⁴ Образ героя трактуется в этой песне негативно, осуждаются и его общение с «начальниками» в Оренбурге, и переход с духовной службы на военную, и стиль руководства.

Этот случай является хорошей иллюстрацией того состояния, в котором застал башкирскую культуру Даль: крупные формы мифологического, героического и исторического эпоса уже утратили свою продуктивность, но продолжали бытовать, а жанр исторической песни-предания переживал свой расцвет. Героями и авторами таких произведений нередко становились люди, биографии которых отражены в официальных документах и литературных произведениях, причем документальные и фольк-

²⁸ Тагирова Л. Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. 2-е изд., перераб. и испр. Уфа, 2012. С. 123.

²⁹ Матвиевская Г. П., Зубова И. К. В. И. Даль в Оренбурге. С. 449–450.

³⁰ Тагирова Л. Ф. Кантонные начальники Башкирии. С. 133.

³¹ Игнатьев Р. Г. Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1964. С. 161.

³² Идельбаев М. Х. Сын Юлая Салават: историко-документальное повествование. Уфа, 1997. С. 174 (на башкирском языке).

³³ Салават Юлаев: Энциклопедия. Уфа, 2004. С. 349.

³⁴ Шарипова З. Я. Манди Кутуш-Кыпсаки // Бельские просторы. 2014. № 3 (184). См.: <http://www.bp01.ru/public.php?public=3683> (дата обращения: 31.10.2018).

лорные трактовки одних и тех же событий могут быть диаметрально противоположными. Узнаваемыми образами башкирского народного творчества стали В. А. Перовский, С. Т. Циолковский,³⁵ А. Давлетшин и некоторые другие сослуживцы и знакомые Даля. Это подметил и сам писатель, поместивший в рассказе «Обмирание» цитату-перевод песни башкир-плотогонов и связанное с ней размышление о судьбах провинциальных начальников. Эти рефлекслируемые в произведениях писателя и устного народного творчестве башкир образы современников и сослуживцев Даля и представляют собой третий слой интертекста, общего для башкирской и русской культур.

Необходимо отметить, что Даль не был первым русским и — шире — славянским автором, обратившимся в своем литературном творчестве к башкирской тематике, не был он и первым переводчиком, интерпретатором башкирского фольклора на русском языке. Однако в научном дискурсе предшествующего периода Башкирия представала новой малоизвестной территорией, освоение которой — хозяйственное и культурное — было делом будущего. В стихах и прозе Т. С. Беляева, П. М. Кудряшова, Т. К. Зана она выступает в качестве романтического другого мира, интересного своей экзотичностью и инаковостью по отношению к остальной России. Заслуга Даля в становлении и развитии русско-башкирского межкультурного и межъязыкового диалога заключается в том, что он был одним из первых писателей и исследователей, поставивших литературное творчество этнографической тематики на строгую научно-документальную основу. Его «этнографические» рассказы и повести лишены романтической идеализации инонационального образа жизни, использования его в качестве абстрактного фона для действия, противопоставления «человека естественного» и «человека цивилизованного», а также враждебного отношения к мусульманской религии. Именно глубокое знание описываемого предмета позволило Далю создать ряд произведений, пронизанных взаимосвязями с текстами как русской, так и башкирской культуры.

³⁵ Башкирское народное творчество. Предания и легенды. С. 248–249 (на башкирском языке).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-1-51-59

© Н. В. Калинина

К ВОПРОСУ ОБ АДРЕСАЦИИ ОЧЕРКА И. А. ГОНЧАРОВА «НАМЕРЕНИЯ, ЗАДАЧИ И ИДЕИ РОМАНА „ОБРЫВ“»

В начале 1895 года в журнале «Русское обозрение» были напечатаны заметки И. А. Гончарова о романе «Обрыв»,¹ впоследствии вошедшие в основной корпус текстов писателя под данным им при первой публикации названием «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“». Такому развитию событий немало способствовало включение заметок Гончарова в книгу «И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма»,² подготовленную А. П. Рыбасовым, который воспроизвел печатный источник. ЭDITIONНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПЕРЕИЗДАНИЯ ТЕКСТА В СОСТАВЕ СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ ГОНЧАРОВА 1950-х годов также не предполагали обращения к автографу произведения.³ Первая сверка с рукописью⁴ была предпринята при подготовке текста

¹ Русское обозрение. 1895. № 1. С. 7–18.

² Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938. С. 132–144.

³ См.: Гончаров И. А. 1) Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. А. Г. Цейтлина. М.: Правда, 1952. Т. 8. С. 124–134; 2) Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. А. П. Рыбасова. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 8. С. 208–220.

⁴ Автограф — беловой, без названия, с двойной авторской пагинацией (РГАЛИ. Ф. 135 (Архив И. А. Гончарова). Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. А, В, С (вторая авторская пагинация: 1–6, архивная: 1–6 об.)); атрибутируется в соответствии с указанием авторства и даты в письме И. А. Гончарова